

СТОЛБОВСКИЙ МИР: ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

В статье изучена предыстория заключения Столбовского мира. Автор связал завершение переговоров в Столбово с событиями, происходившими на северо-западе страны. Показано, как вопрос о мире со Швецией решался на Земском соборе 1616 г. Исследован ход переговоров в Ладогe и роль в них английского посла Джона Мерики.

Ключевые слова: *Столбовский мир, Швеция, Ладoga, Смутное время, Джон Мерики, Земский собор, Поневские погосты, Тихвинская икона, Гюлленгейм, Псков, Мезецкий, Замятин, Видекинд.*

В феврале 2007 г. исполнилось 390 лет с момента заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией (1617), а также исполнилось 125 лет со дня рождения Германа Андреевича Замятина (1882–1953) — крупнейшего специалиста по изучению русско-шведских отношений в Смутное время, значительная часть трудов которого до настоящего времени так и не опубликована.

К изучению переговорного процесса в Дедерино и Столбово обращались многие исследователи, начиная с С. М. Соловьева и Н. П. Лыжина¹. Однако ни один из них не связывал завершение переговоров в Столбово с событиями, происходившими в то время в районе Пскова и в других местах северо-запада страны. Между тем очевидно, что поражение шведов в декабре 1616 г. под Псковом оказало влияние на переговоры, заставило шведов быть уступчивее. Все считают, что после поражения шведов под Псковом в 1615 г. сразу же начались переговоры в Дедерино (это верно), затем было заключено перемирие, а потом русские и шведы съехались в Столбово и заключили Вечный мир. Однако эти дипломатические шаги проходили в условиях непрекращающихся военных действий, которые совершенно не известны отечественному читателю. Также мало внимания уделено переговорам в Ладогe осенью 1616 г. и роли английского посла Джона Мерики на этих переговорах. А ведь в Ладогe были согласованы Джоном Мерики со шведскими представителями основные положения будущего Столбовского договора. Русские послы на переговорах в Столбово фактически занимались только «техническими» делами. Следует более подробно остановиться на решении вопросов внешней политики Земским собором 1616 г. Еще в 1925 г. Г. А. Замятин опубликовал два документа данного Земского собора, однако эти документы еще не изучались в интересующем нас контексте².

Среди историков до настоящего времени нет однозначной оценки значения Столбовского мира для России. С точки зрения источниковой базы темы, на мой взгляд, недостаточно изучены так называемые «Арсеньевские шведские бумаги» применительно к событиям весны–лета 1616 г.³

Что касается отдельных статей Столбовского договора, то при внимательном прочтении его текста выясняется, что в книге С. М. Соловьева (на которую ссылаются все исследователи) обнаружилось несколько опечаток, которые до настоящего времени не исправлены. Впервые данный договор опубликован в книге шведского королевского историографа Юхана Видекинда в 1670-х гг. В настоящее время имеется научное издание книги Видекинда в современном переводе⁴. Все вышесказанное позволяет еще раз обратиться к изучению предыстории и содержания Столбовского мирного договора.

Предварительные переговоры о мире между Россией и Швецией (обмен посланиями) начались осенью 1615 г. еще в период осады Пскова Густавом Адольфом. Англия и Голландия, заинтересованные в скорейшем окончании военных действий в России, надеясь получить торговые льготы у московского правительства, первыми откликнулись на просьбу России о посредничестве. Уже летом 1614 г. в Москву был направлен посланник английского короля Джон Мерик, а в августе 1615 г. Генеральные Штаты отправили в Новгород своих послов⁵.

Русские послы во главе с князем Даниилом Ивановичем Мезецким некоторое время находились в Осташкове, а шведские — в Новгороде. Посредником вначале выступал только Джон Мерик, затем прибыли голландские представители⁶.

Ход переговоров в Дедерино подробно освещен в трудах С. М. Соловьева, Н. П. Лыжина, В. Н. Козлякова⁷. К 22 февраля 1616 г. шведы предложили три варианта заключения мира: по одному из них русская сторона должна выплатить немислимую сумму денег (2 млн р. — 40 бочек золота), по второму и третьему — уступить четыре крепости с Сумерской волостью (район озера Самро), либо без нее с доплатой 100–200 тыс. р. При этом Ладога, как и Гдов, должны оставаться в качестве заложников у шведов, пока не будут урегулированы все финансовые и территориальные вопросы. Дальше потребовались консультации с руководством обеих стран, и послы, заключив перемирие на три месяца (до 31 мая 1616 г.), разъехались из Дедерино, договорившись встретиться в дальнейшем между Тихвином и Ладогой⁸. В «Новом летописце» кратко подведен итог этих переговоров: «И посольство у них тут не сталося и разъехошася»⁹.

Московские бояре в марте 1616 г. писали шведам, что царь не собирается ни уступать крепости, ни платить такие огромные деньги. Но одно событие спутало все карты русской дипломатии. К шведам бежал новгородский боярин Михаил Климентьев, находящийся в свите русских послов. Он фактически передал шведам стратегическую информацию о положении дел в России. Климентьев сообщил, что в стране нет денег, русские будут вынуждены отдать шведам крепости. Из-за страшного истощения страны нельзя набрать новые войска, военные силы русских насчитывают лишь 10 тысяч. Поэтому шведы в дальнейшем оказались неуступчивы. Шведская сторона соглашалась начать новые переговоры, только получив ответ: по какому из трех вариантов русские согласны мириться¹⁰.

Голландские посредники убыли в Швецию. В дальнейшем переговоры вел только Джон Мерик. Уже с этого времени Англия и Голландия становятся торговыми конкурентами¹¹. Мерик стремился отстоять для России устье Невы, чтобы наладить русско-английскую торговлю кратчайшим путем, через Балтику. Мерик уже знал о первых попытках шведов создать порт и таможню в устье Невы (Ниеншанц); как купец он сразу оценил все преимущества этого пути, поэтому такая длительная дипломатическая борьба развернулась в ходе переговоров за Орешек и Поневье (4 погоста южнее Невы).

В мае 1616 г. русские послы вместе с Мерином выехали из Москвы в Тихвин¹². Перед этим английский посол неоднократно встречался в Москве с Михаилом Федоровичем. По видимому, Мерик хорошо владел информацией о положении дел в районе места будущих переговоров. О Тихвине ему могли рассказать стольники Семен и Матвей Прозоровские, которые были «рындами в белом платье» на церемонии 14 и 30 апреля. О Ладоге он мог получить подробную информацию от Григория Константиновича Волконского, который на этих церемониях «объявлял английского посла»¹³. 1 мая состоялась последняя встреча, «и отпущен был на съезд меж Ладоги и Тихвина мирить Государя с Свейским королем»¹⁴.

В Тихвин Мерик вместе с Мезецким и другими послами прибыл 12 июня. Все лето послы жили в Большом монастыре в Тихвине, при этом долго выбирали место для будущих переговоров¹⁵. Вначале было выбрано сельцо Горки (двор Ефима Толыпина) на реке Сясь. Но это место оказалось неудобным из-за порогов на реке. Тогда Мерик предложил новое место — «имение Василия и Степана». Здесь он планировал сделать свою стоянку. «А шведы, — пишет он, — могут разместиться в версте от этого места... в 37 верстах от Тихвина и Ладоги, на середине пути между ними». Это и было село Столбово¹⁶. Здесь построили временные дома и назвали это место Даниловым острожком — по имени князя Мезецкого.

Шведские послы к назначенному сроку в Ладогу не явились. Они вообще не желали ехать в Ладогу, пока им не сообщат последний вариант условий, на которые соглашалась русская сторона. Все лето и осень 1616 г. русские и шведские послы обменивались грамотами: русские — из Тихвина, а шведы сначала из Нотебурга, а затем из Ладоги. Мерик и его помощники постоянно курсировали между ними, осуществляя «челночную дипломатию»¹⁷.

Только 16 августа шведы написали Мерику о своем прибытии в Ладогу. При этом они объявили ультиматум: если в течение 8 дней им не объявят, на каком из трех вариантов остановились русские, то они разорвут мир. Шведские уполномоченные были упорны и не шли на уступки. Наконец, в Москве поняли, что невозможно оттягивать дальше решение этого вопроса.

Московское правительство еще в августе вступило на путь территориальных уступок. Царь с боярской думой неоднократно обсуждали «свейское дело». После заседания 17 августа в Тихвин был отправлен с Гаврилой Кувшиновым первый наказ: уступить шведам Ивангород, Ям и Копорье с уездами. После вторичного обсуждения «свейского дела» 5 сентября к послам в Тихвин был отправлен с Григорием Нероновым дополнительный наказ об уступке Орешка с Заневскими погостами. На следующий день в Думе вновь обсуждался этот вопрос и был отправлен с Петром Батюшковым третий наказ. Судя по дальнейшим действиям Мерики, в этом наказе говорилось об уступке ряда Поневских погостов и выплате некоторой суммы денег.

11 сентября в Москву прибыл из Тихвина от послов Данила Губин с последними известиями о ходе переговоров. Он же привез грамоты Мерики и ультиматум шведов. В тот же день царь приговорил передать дело на рассмотрение Земского собора, который в это время заседал в Москве¹⁸.

О том, что Земский собор 1616 г. занимался внутренними делами государства, историки знали давно¹⁹. Впервые о новых внешнеполитических задачах этого собора написал Г. А. Замятин. Он опубликовал два новых документа, связанных с деятельностью Земского собора 1616 г. На основании этих документов Г. А. Замятин сделал вывод о том, что на рассмотрение данного Земского собора был передан вопрос об условиях заключения мира со шведами²⁰.

Уже 12 сентября Собор занялся обсуждением поставленного вопроса. Вопрос звучал так: «На чем со свейскими послы велети делати: на города-ль или на денги? И будет на денги, и где взяти денги?». Перед участниками Собора было два варианта: либо уступить ряд крепостей с небольшой доплатой, либо сохранить крепости, но уплатить крупную сумму денег. При этом необходимо было учесть как тяжелое экономическое положение, так и политический престиж страны. Во втором случае необходимо было сразу же решить, где взять эти деньги. Этот вопрос был решен на Соборе в пользу первого предложения²¹. В тот же день, 12 сентября, в Тихвин с Данилом Губиным была

отправлена грамота. Этот документ интересен тем, что отчетливо рисует порядок заседания Земского собора, сообщает много новой информации о положении дел в стране и расширяет наши сведения о компетенции Земского собора 1616 г.

После постановки вопроса Михаилом Федоровичем думный дьяк Петр Третьяков зачитал краткую предысторию этого вопроса, начиная с Выборгского договора. Затем были перечислены шведские условия мира и ультиматум шведов: пока государь не скажет, на каком из вариантов русские намерены остановиться, шведы не будут продолжать переговоры²².

До Земского собора была доведена и обстановка на театре военных действий: «А под Псков пришел ратной маршалок Яганов королев непрямой жены сын, а с ним многие ратные свейские и иных земель люди, и подо Псковом стал и Псков всякими мерами теснит²³. А в Ладоге с Яковом Понтусовым с товарищи многие ж ратные люди. А в вестях выходцы и лазутчики сказывают: только мир с государем вскоре не станется, и им да идти воевать на Тихвину и иные места, а Новгород, Старую Русу, Порхов, Ладогу разорить, выжечь и высечь, да всеми людьми идти над Псковом промышлять».

В заключение Третьяков вновь поставил вопрос: на города или на деньги заключать мир, и если на деньги, то где деньги взять? Вопрос надо решить быстро, «и с тем бы со всем указом к государевым послам послать вскоре, чтоб до государева указа со свейскими послами не разорвать, тем бы государеву и земскому делу большие порухи не учинить».

Затем слово вновь взял Михаил Федорович. Он просил Собор посоветоваться между собой и дать ему ответ. Члены Собора, «советовав меж себя долгое время», говорили, что таких денег в разоренном государстве собрать за указанный срок невозможно (четыре года по 500 тыс. р. в год, а все это время города остаются у шведов заложниками, и если вовремя не выплатить эту сумму, то города будут потеряны навечно). А даже если и сумеем выкупить их, то они сильно разорены, фактически беззащитны, их надо укреплять, наполнять людьми и запасами, а в это время придет другой недруг (намек на поляков) и легко захватит их.

В итоге собор решил отдать шведам города и в придачу часть денег. Собор утвердил приговоры, которые были посланы ранее с Гаврилом Кувшиновым, Григорием Нероновым и Петром Батюшковым²⁴.

Д. И. Мезецкому была отправлена грамота, в которой указывалось объявить Мерику, а через него шведским уполномоченным первый наказ, который был отправлен с Гаврилой Кувшиновым, а самому в дальнейшем действовать по второму и третьему наказам.

К этому времени новый шведский главнокомандующий Карл Гюлленгейм, прибыв на театр военных действий, приступил к очередной блокаде Пскова. Севернее города, у монастыря Николы в Устьях, было построено укрепление²⁵. Шведы контролировали дорогу в Псков из Дерпта и из Псковского озера по реке Великой. Также на реке Свирь шведы построили острожек и направили туда «множество ладей в противовес ладьям русских в Ладожском озере, чтобы мешать русским выйти из реки в озеро и нападать... на Кексгольм и Нотебургскую область»²⁶.

В свою очередь, летом 1616 г. тихвинские казаки Чеадая Спешнева выстроили укрепление в устье реки Сясь и организовали патрулирование на Ладоге. Активных боевых действий они не предпринимали, но вели досмотр шведских судов²⁷.

Царские послы обещали шведам, что во время переговоров не будет повода к враждебным действиям. Однако между тихвинскими казаками и шведами постоянно происходили конфликты. Какой-то шведский староста Филька вместе с отрядом солдат и черкас

грабил в районе Тихвина, «наделал много вреда в этой местности вместе с чужеземцами», но был пойман тихвинцами. По просьбе Мерики этого Фильку, «который заслужил смерти», освободили и отослали в Ладогу к шведам²⁸. «Конные солдаты из Новгорода» во главе с неким Астюшкой Сидоровым совершили набег в Бежецкую пятину в поместье Курапа Мякинина, они увели 150 лошадей «у народа государя»²⁹.

Обе стороны сосредоточили в районе Тихвина и Ладоги крупные силы. Так, Видекинд сообщает о наличии в Тихвине 300 дворян, 400 казаков и 500 стрельцов³⁰. В другом месте он говорит о планах Делагарди совершить нападение на Тихвин, если переговоры летом 1616 г. будут сорваны³¹.

Однако Густав Адольф скептически отнесся к этим планам, зная об упорстве тихвинцев, которые уже однажды (в 1613 г.) выдержали осаду³². Возможно, шведам также было известно, что «на Устюжне для оберегания послов» находились «Лев Иванов Долматов-Карпов и Илья Васильев Беклемишев», а с ними по наряду — 925 человек³³.

Эту взрывоопасную ситуацию разрядило прибытие из Москвы в Тихвин в конце августа Гаврилы Кувшинова с первым наказом. Теперь Мерик стал действовать смелее. Его помощник Томас Смит 3 сентября заверил шведов, что получены новые инструкции из Москвы. Вновь Смит вернулся в Ладогу 16 сентября и сообщил шведам, что окончательное решение русских Мерик обещал передать на встрече послов в местечке Столбово на реке Сясь. Однако шведы потребовали, чтобы Мерик сам прибыл к ним в Ладогу и сообщил решение русских³⁴.

3 октября Мерик был встречен на реке Сясь Лоренцом Вагнером с почетным эскортом (галера, четыре ладьи и рота солдат). 5 октября на обеде в Ладоге Мерик сообщил шведам, что русские согласны уступить Швеции Ивангород и Ям, а затем добавил «как будто лично от себя, еще Копорье с областью»³⁵.

Тем самым Мерик выполнил условия первого наказа. Получив отказ шведов, он просил отсрочки на день. К этому времени в Тихвине уже были получены второй и третий указы, так что Мерик и русские послы имели резерв для маневра. Они не собирались сразу открывать все свои карты, а надеялись добиться уступок со стороны шведов.

При следующих встречах Мерик добавил к трем крепостям 10 тыс. р. Шведы, со своей стороны, продолжали требовать Орешек, но уже были не прочь довольствоваться половиной суммы, на которую они соглашались в феврале в Дедерино. Это условие (четыре крепости и 100 тыс. р.) шведы объявили Мерику 31 октября. Английский посол настаивал на трех крепостях и 100 тыс. р. Таким образом, позиции сторон еще более сближались.

В течение ноября в Ладоге велись упорные дипломатические баталии за Орешек и земли севернее и южнее Невы (Заневье и Поневье). 12 ноября Мерик предложил шведам Орешек и Заневье без доплаты, выполняя второй наказ, отправленный из Москвы с Гаврилой Нероновым. При этом он стремился удержать четыре погоста в Поневье, чтобы граница проходила по реке Неве³⁶. 15 ноября на новой встрече он добавил два западных погоста в Поневье (Ижорский и Дудоровский), но просил оставить два восточных погоста, примыкающих к Орешку (Лопский и Ярвосольский). После отказа шведов, Мерик заявил: «Великий князь согласился уступить и два вышеупомянутых погоста, так что крепость (Орешек. — Я. Р.) со всей областью будет целиком принадлежать Швеции, но сверх того великий князь не собирается дать ни гроша». Шведы после четырехдневных переговоров (16–19 ноября) снизили сумму доплаты сначала до 50, а затем до 30 тыс. р. После того как Мерик предложил 10 тыс. р., обе стороны 20 ноября согласились на 20 тыс. р. Эти условия (четыре крепости с доплатой 20 тыс. р.) стали базовыми для дальнейших переговоров, которые в декабре начались в Столбово³⁷.

Окончательные условия, на каких шведские послы согласились заключить мир, Данила Мезецкий 15 декабря отправил в Москву. Правительство сочло нужным сообщить об этом земским выборным в конце декабря 1616 г. сразу после получения этой важной информации. Эти условия оказались более выгодными для русских, чем рассчитывали в сентябре выборные Земского собора. В тексте документа, который привел Г. А. Замятин, отчетливо видна радость Михаила Романова и выборных по поводу успешного окончания дела. Также подчеркивалась важная роль в этом успехе английского посла. Думный дьяк Петр Третьяков зачитал членам Собора условия мира. После перечисления городов, которые шведы возвращали русским, и городов, уступленных шведам, следует запись: «да к тому придати им денег только лишь двадцать тысяч рублей, чем бы солдат из государевых городов без рассоренья вывести, а болшие последние запросы 80 000 рублей свейские послы по государеву счастью отставили»³⁸.

Это сообщение П. Третьякова об условиях заключения мира вызвало всеобщее одобрение: «...у них у всех и в разуме не было, что свейскому королю на такие малые деньги такого великого Новгородского государства с пригороды поступитись; да то учинилось божьею милостью, а его государевым счастьем и премудрым разумом». В заключение члены Собора говорили при государе вслух, что они воздают хвалу Богу, Богоматери и великим чудотворцам, царю и его родителям, «что такое великое дело совершается»³⁹.

На самом деле окончание переговоров со шведами было ничуть не легче их начала. Спор теперь шел о том, чтобы шведы не брали в заклад городов до исполнения договора о размежевании. Одним из таких городов-заложников стала Ладога.

31 декабря 1616 г. шведские и русские послы встретились в Столбово «на подворье английского посла, в 3 милях от подворья шведских послов, и положили доброе начало переговорам»⁴⁰. Численность свиты с каждой стороны была определена в 150 конных и 200 пеших, включая охрану и слуг⁴¹.

С собой на переговоры Данила Мезецкий попросил у игумена Макария список с Тихвинской иконы⁴². Наличие этой святыни придавало русским послам уверенности в успешном исходе дела. Шведам же эта икона напоминала о провале их наступления на Тихвин в 1613 г.

Подробно ход переговоров в Столбово изложен у К. Якубова, который опубликовал Шведский статейный список⁴³. Наибольшие трудности на переговорах возникли по вопросу о сроках возвращения крепостей. Мезецкий настаивал, чтобы все крепости были возвращены немедленно по заключению мирного договора и по уплате 20 тыс. р. Обе стороны в итоге согласились, чтобы передача Новгорода, Старой Русы и Порхова была произведена через 14 дней после подписания договора. Шведы хотели удержать за собой Ладогу, Гдов и Сумерскую волость, пока оба монарха не утвердят мирный договор и новые границы. Русские послы настаивали на немедленной передаче всех крепостей. После долгих и жарких споров шведы вынуждены были уступить Ладогу и Сумерскую волость. Гдов оставался заложником у шведов до тех пор, пока не будут выполнены все условия договора. Этот процесс, как и предвидели русские послы, растянулся надолго. В итоге Москва получила Гдов лишь осенью 1621 г.⁴⁴

На переговорах также продолжались споры о способах утверждения договора обоими монархами, о формулировках и титулах. Однако обе стороны уже стремились к быстрейшему завершению процедуры подписания договора. Русские послы знали об угрозе со стороны Польши, о неприятностях под Смоленском, хотя при этом сами «распускали слухи» о том, что Гонсевский потерпел поражение, и что было взято в плен 1 700 поляков⁴⁵.

В свою очередь, шведам приходили панические донесения от Карла Гюлленгейма об очередном их поражении под Псковом, хотя они и сообщили русским, что нападение псковичей отбито с большими потерями для русских. Дело в том, что псковичи не смирились с постройкой шведского укрепления возле города. Осенью 1616 г. оно было осаждено русскими. Несмотря на то что комендант Родвин сумел отбить первый штурм, в декабре 1616 г. это укрепление все же было взято псковичами⁴⁶.

О боевых действиях в 1616 г. под Псковом писал в неопубликованной рукописи Г. А. Замятин. По его сведениям, в этом укреплении засело 700 шведов. На осаду острожка воевода Григорий Бобров выслал 3 000 псковичей. В итоге «сдались 125 человек, остальные были убиты, а иные с голоду в осаде померли». Русские источники говорят, что при этом были взяты пушки шведов в качестве трофеев, которые были поставлены в Пскове у Нижних решеток⁴⁷.

Юхан Видекинд напрямую связывает события под Псковом с некоторой уступчивостью шведских послов на переговорах. Он также писал, что шведские послы позже просили «Великого князя о возвращении пушек, захваченных псковичами в укреплении под Псковом», тем самым подтверждая данные русских источников⁴⁸.

Определенную роль в уступчивости шведов сыграли меры по дезинформации, которые предпринял польский король Сигизмунд III. Его люди распускали повсюду слухи о подготовке широкомасштабного похода в шведскую Ливонию⁴⁹. Польский король, возможно, преследовал при этом свои цели, надеясь усыпить бдительность русских накануне своего похода на Москву.

Русским послам приходили тяжелые известия из Новгорода. Пятиконецкие старосты прибыли в Столбово, рассказали о критическом положении в городе и слезно умоляли послов поскорее закончить процедуру подписания договора⁵⁰. Но реально русские послы могли только просить Мерику, чтобы он «замолвил слово» за новгородцев, а также быстрее договариваться о технологии передачи городов и судьбе их населения⁵¹.

В итоге обе стороны относительно быстро решили спорные вопросы о титулах монархов (каждое слово в титуле говорило о претензии государя на определенную территорию). 19 февраля шведы согласились написать договор с короткими титулами обоих монархов.

27 февраля 1617 г. был подписан «великими послами» первый в царствование Михаила Романова договор о вечном мире. Шведы обязаны были уже через две недели очистить Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость (ст. 5), а еще через неделю очистить Ладогу с уездом (ст. 6). В этой же статье говорится о сложной процедуре передачи Гдова⁵². Взамен этого Михаил отказывался «от своих прав на... Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург со всеми окрестными укреплениями, землями, погостами и деревнями» (ст. 8). Жители «с женами, детьми, домашней челядью и со всем имуществом» могут свободно покинуть упомянутые крепости и города «в течение четырнадцати дней со дня объявления настоящего мирного договора»⁵³.

На съезде было решено «тотчас по заключении мира и по утверждении договора великими послами обеих сторон» отправить шведских уполномоченных в эти крепости и города, чтобы они объявили об этом всему населению в присутствии уполномоченного от английского посла. Поэтому тезис С. М. Соловьева о том, что люди могли выходить в течение 14 дней со дня утверждения этого договора (т. е. 27 февраля плюс 14 дней), является ошибочным. Если до Ладоги гонцы могли, при желании, добраться из Столбово уже в тот же день, то до Орешка нужно несколько дней, а до Ивангорода — еще дольше. А ведь шведы, заинтересованные в сохранении местного населения в захваченных ими

городах, могли всячески саботировать скорейшую доставку этого известия, тем более, что гонцами в эти города были назначены сами шведы. Срок для принятия окончательного решения для жителей оставался очень малым. В ст. 8 жестко сказано: «Приходские священники и крестьяне с женами, детьми и прислугой, а также те дворяне, дети боярские и горожане, которые не выедут в течение упомянутых четырнадцати дней, должны оставаться на месте и жить под властью Шведской Короны»⁵³.

Для некоторых дворянских семей этот выбор давался нелегко. Известно, что в это время на шведскую службу поступили представители ряда русских дворянских родов, которые получили шведское дворянство и стали называться «байоры»⁵⁴.

Договор предписывал королю взять у царя Михаила «20 000 рублей наличными деньгами, доброй ходовой, не фальшивой серебряной монетой» (ст. 9). Пушки, воинский запас, колокола и все другое, что было вывезено шведами до 20 ноября 1616 г., остается за ними. Но тот наряд, который теперь в городах, возвращаемых царю, там и остается (ст. 10)⁵⁵. Кексгольм с его областью, землями, населением, угодьями переходит во владение Швеции на вечные времена (ст. 11). Здесь ничего не говорится о двух неделях для жителей Корелы. Однако именно из Карелии весь XVII в. будут переходить на русскую территорию перебежчики.

Много внимания было уделено вопросам размежевания границ. В ст. 12 договора говорилось, что к 1 июня 1617 г. должны съехаться полномочные послы «между Орешком и Ладогой, у устья реки Лавуи». В тот же день, 1 июня, у Ладожского озера «на границе Соломенского погоста Кексгольмской области и Олона Новгородской области» должны сойтись другие послы⁵⁶. Обмен ратификационными грамотами несколько затянулся, поэтому переговоры об определении границ начались не в июне, а лишь в октябре 1617 г. Вопрос о границе в районе Ладоги будет в дальнейшем решен относительно быстро, в течение полугода, уже в конце марта 1618 г.⁵⁷ Однако второй участок границы севернее Олонца вызовет ожесточенные споры, которые в 1619–1620 гг. едва не приведут к войне между Россией и Швецией⁵⁸.

Согласно ст. 3 Столбовского договора шведы обязались возвратить «все бумаги и книги из канцелярий и городских управлений». Однако Делагарди нарушил это условие. Он вывез документы Новгородской приказной избы, так называемый оккупационный Новгородский архив, до сих пор хранящийся в Швеции⁵⁹. Этим самым Делагарди затормозил развитие отечественной исторической науки в вопросе о русско-шведских отношениях в Смуту, но сохранил для потомков много ценных документов, которые могли быть утрачены в XVII–XX вв.

Русские послы заключили Столбовский мир перед Тихвинской иконой Пресвятой Богородицы, как главной порукой мира с русской стороны⁶⁰. Сказание сообщает, что после Столбово послы с иконой прибыли в Тихвин и попросили игумена Макария дать им с собой в Новгород этот список чудотворной Тихвинской иконы⁶¹.

13 марта русские послы во главе с Даниилом Мезецким с этим списком иконы уже подъезжали к городу. За полторы версты до Новгорода в знак уважения к послам царя Михаила Федоровича и к православной святыне их встречали митрополит Исидор и депутация новгородцев⁶². Новгородцы сами выбрали свою дальнейшую судьбу. Они уже знали из грамоты, которую привезли незадолго до этого послы, о царских словах: «Мы великий Новгород от неверных для того освободили, что вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть»⁶³.

Новгородцы несколько лет всячески сопротивлялись попыткам шведов включить территорию Новгородской земли в состав Швеции. Они постоянно повторяли: «Мы под свейскою короною быть не хотим»⁶⁴. Важную роль в оказании поддержки новгородцам, в укреплении их духа и защите их от шведов все время оккупации играл митрополит Исидор, «молитвенник великого князя», который теперь встречал московских послов. Фактически перед Тихвинской иконой митрополит принес присягу новому царю, Михаилу Романову. Этот список иконы был установлен в Софийском соборе Новгорода, где он хранится и по настоящее время⁶⁵.

Новый летописец кратко подвел итог этим событиям: «Помиришася вековечным миром, и перебезщиком ни с одной стороны не перебегати, и Новгород и иные города Немцы государю отдаша, а государь в немецкую землю поступился городов: Ивана города, Яма, Копорья, Орешка. Туто ж послы разыдошася. Князь Данило ж с товарищи поиде в Новгород и Новгород прия у Немец. Посол же Аглинской прииде к Москве. Государь же тово посла пожаловал и даде ему честь великую и отпусти ево в Аглинскую землю»⁶⁶.

Современники считали Столбовский мир довольно выгодным для России. Об этом свидетельствуют не только награды всем участникам переговорного процесса (Мезецкий стал боярином, Зюзин — окольничьим, а Мерик получил множество ценных подарков), но и грамоты Михаила Романова к воеводам разных городов. В грамоте в Кетский острог к воеводе Чеботаю Челищеву царь «велел созвать всяких наших служилых и жилецких людей, прочесть им во всеуслышание, чтоб всем людям то доброе дело было ведомо, и молебны петь со звоном, и из наряду велел стрелять из большого и из ручного, чтоб про то было вам явно и ведомо»⁶⁷. По этому поводу С. М. Соловьев писал: «В Москве и Стокгольме были очень довольны Столбовским миром; возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительною потерю нескольких городов: теперь было не до моря!»⁶⁸.

Однако все историки почему-то приводят только слова Густава Адольфа: «У России отнято море, и теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек». Действительно, король был чрезвычайно доволен, т. к. теперь русские были не страшны шведам. В советское время считали этот мир унижительным для России и ставили его на одну чашу весов наряду с Деулинским перемирием 1618 г. с Польшей. Но заключение Столбовского мира позволило стране направить все силы на борьбу против более опасного врага. Ведь уже весной 1617 г. поляки начнут свой поход на Москву⁶⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что ведение военных действий в 1616 г., особенно поражение шведов под Псковом в декабре 1616 г., оказало влияние на ход и содержание Столбовского мира, ускорило его подписание, спасло Ладогу от участи Гдова (быть крепостью-заложником до 1621 г.).

Военная победа в тяжелой борьбе с Польшей в 1618 г. была одержана благодаря Столбовскому миру. Эта победа не была закреплена дипломатически, и в итоге русские послы потерпели тяжелое поражение в Деулино, от которого Россия смогла оправиться лишь через 50 лет (в 1667 г.). Благодаря союзу со Швецией Россия смогла восстановить боеспособность своей армии, приступив в 1620-х гг. к военной реформе. Да и так ли нужен был в тот момент выход к Балтийскому морю стране, экономика которой оказалась полностью парализована? Уровень XVI в. был достигнут лишь к середине XVII в. Однако надо было восстанавливать разрушенное хозяйство, а затем — расширять внешнюю торговлю. Задача выхода к Балтике вновь стала актуальной для России при Алексее Михайловиче, который попытался ее решить в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг., а «окно в Европу» прорубил его сын, Петр Великий.

Примечания

- ¹ См.: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб., 1857; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. Кн. V, т. 9. М., 1995.
- ² Л. В. Черепнин в своем классическом труде о Земских соборах XVI–XVII вв. не мог уделить данному собору много внимания.
- ³ Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А. В. Полторацкого // Сборник Новгородского общества любителей древности (далее — Сб. НОЛД). Новгород, 1911–1912. Вып. V, VI.
- ⁴ См.: *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. Следует учесть, что текст Столбовского договора, впервые опубликованный в Полном собрании законов (ПСЗ), является переводом со шведского языка. Составители ПСЗ при публикации данного договора использовали в качестве источника труд Видекинды.
- ⁵ Отчет голландских послов о переговорах (см.: Сб. император. рус. ист. о-ва. Т. 24. СПб., 1878). Письма Джона Мерики (см.: Сб. НОЛД. Вып. V, VI; *Лыжин Н. П.* Указ. соч.; см. также: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 327).
- ⁶ В состав русского посольства входили кроме Данилы Ивановича Межецкого Алексей Иванович Зюзин, а также дьяки Николай Никитич Новокшенов и Добрыня Семенов (см.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 139). Шведскую делегацию возглавляли Клод Флеминг, Генрих Горн, Яков Делагарди, Арвид Теннессон и секретарь Монс Мортенсон (см.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 352–354).
- ⁷ См.: *Лыжин Н. П.* Указ. соч. С. 35–38. В названиях некоторых документов, приведенных Н. П. Лыжиным в приложениях № 1 и 2, вкралась ошибка. Название документов следующее: «Копия с записи, учиненной на съезде между Тихвином и Ладогою в сельце Дедерине о перемирии между Россией и Швецией от 22 февраля до 31 мая того же года. 1616 февраля 16». См. также: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 82–89; *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 82.
- ⁸ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 370–371.
- ⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 139.
- ¹⁰ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 372–373. См. также: *Коваленко Г. М.* Сообщение М. Климентьева (русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. СПб., 1993. Вып. 4 (14). С. 128–131.
- ¹¹ Англия хотела добиться преимущественного права на торговлю в России, стремилась получить доступ к китайским и иранским рынкам, к богатствам русского севера.
- ¹² Книги разрядные по официальным оных спискам (далее — КР). СПб., 1853. Т. 1. Стб. 116. Здесь перечислена свита послов под командой Бориса Полтева: стольник — 1, дворяне московские — 4, жильцы — 5, дворяне и дети боярские — 386, московские стрельцы — 500 человек.
- ¹³ Г. К. Волконский был одним из руководителей войска новгородцев в период освобождения Ладого от французов Пьера Делавиля зимой 1611 г., а С. В. Прозоровский в 1613 г. возглавлял оборону Тихвинского монастыря от шведов.
- ¹⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 219, 225.
- ¹⁵ В сб. НОЛД напечатан ряд писем Мерики к Горну от 10.04, 20.04, 7.05 из Москвы; 30.05 из Устюжны; 14.06, 22.06, 25.06 и 4.07 из Тихвина. См.: Сб. НОЛД. Вып. VI. № 4–14. См. также: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 443.
- ¹⁶ См.: *Файнштейн Л. А., Шаскольский И. П.* Тихвин: историко-краеведческий очерк. Л., 1961. С. 32; *Мордвинов И. П.* Тихвин и Столбово в 1609–1617 гг. Тихвин, 1917. С. 16–20; См. также: Сб. НОЛД. Вып. VI. № 10, 14.
- ¹⁷ *Козляков В. Н.* Указ. соч. С. 83.
- ¹⁸ См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 224–225.

- ¹⁹ См.: *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег... // Чтения в Император. о-ве истории и древностей Рос. при Моск. ун-те (далее — ЧОИДР). 1909. Кн. 1; *Лихачев Н. П.* Новые данные о Земском соборе 1616 г. // Рус. ист. журн. 1922. № 8. С. 60–87.
- ²⁰ См.: *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского Собора 1616 г. о русско-шведских отношениях // Тр. Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. I. С. 299–302.
- ²¹ *Замятин Г. А.* Два документа... С. 301.
- ²² Там же. С. 304–305.
- ²³ Здесь говорится об осаде Пскова Карлом Гюлленгеймом в 1616 г.
- ²⁴ *Замятин Г. А.* Два документа... С. 306–308.
- ²⁵ Псковские летописи. М., 1837. С. 234: «Пришел королевич другой подо Псков Анцыкарл, августа в 11 день; и поставиша городок у Николы Чудотворца в Устьях над Великой рекой».
- ²⁶ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 405.
- ²⁷ См.: Сб. НОЛД. Вып. VI. № 13. Своими действиями казаки препятствовали вывозу шведами из Новгорода ценного имущества (пушек, колоколов).
- ²⁸ Там же. Вып. VI. № 4, 5, 6, 8, 13.
- ²⁹ Там же. № 13, 14.
- ³⁰ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 375.
- ³¹ Там же. С. 398: «Если русские не захотят пойти на уступки, то наши войска могут быстрым ударом атаковать Тихвин, обстрелять монастырь пушками из Нарвы и взять контрибуцию с Онежской области».
- ³² Там же. С. 398. «Русские... и на этот раз без очень сильного нажима не сдадутся, а так как трудно доставить под Тихвин нужное количество провианта, то придется прекратить осаду самым позорным образом».
- ³³ См.: КР. Т. 1. Стб. 116–117.
- ³⁴ См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 89; *Лыжин Н. П.* Указ. соч. С. 60–63; *Форстен Г. В.* Россия и Швеция в Смутное время // Журн. мин-ва народ. просвещения. 1889. Вып. XI. С. 21–22; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 410.
- ³⁵ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 411.
- ³⁶ Там же. С. 418.
- ³⁷ Там же. С. 420–421.
- ³⁸ *Замятин Г. А.* Два документа... С. 309–310; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 224–226.
- ³⁹ *Замятин Г. А.* Два документа... С. 310.
- ⁴⁰ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 425.
- ⁴¹ Там же. С. 423. Н. П. Лыжин в тексте своего труда ошибочно называет численность конницы по 50 человек, хотя сам же далее в приложении № 3 приводит правильные цифры: «А быти на обе стороны с послы по *полтора*ста человек конных да по двести человек пеших с посольскими и с дворянскими людьми». См.: *Лыжин Н. П.* Указ. соч. С. 64, 120.
- ⁴² См.: Новгородские летописи. С. 443–444.
- ⁴³ См.: *Якубов К. Н.* Россия и Швеция в первой половине XVII в.: Сб. материалов из Моск. гл. архива МИД и Шведского гос. архива, 1616–1651 // ЧОИДР. М., 1897. Кн. 3. С. 4–28.
- ⁴⁴ См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV: Пруссия, Франция, Швеция. М., 1902. С. 151–153; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 492; *Форстен Г. В.* Указ. соч. Вып. XI. С. 28–29.
- ⁴⁵ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 416.
- ⁴⁶ См.: Псковские летописи. М. 1837. С. 234: Во 125 году декабря в 10 день, город взяша, и Немец достальных выпустиша, и Немцы с Государем помирились...». См. также: *Попков В. И.* Повесть об осаде Пскова шведами в 1615 г. // Традиции и новаторство в русской литературе: Сб. ст. М., 1973. Однако В. И. Попков так и не понял, что заключительные фразы «Повести об осаде...» относятся к событиям *декабря* 1616 г., следовательно, эта повесть не могла быть написана в сентябре 1616 г., как утверждает автор.

- ⁴⁷ См. *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в.: Рукопись // Древнехранилище Псков. гос. объединен. ист. архит. и худож. музея-заповедника. № 1205. Л. 226–227. См. также: Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции. Т. VI. М., 1914.
- ⁴⁸ См. *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 420–421, 467.
- ⁴⁹ Там же. С. 421.
- ⁵⁰ Эти последние месяцы, недели и дни, когда шведы уже понимали, что они оставляют Новгород, были для жителей города самыми тяжелыми. Шведы не грабили только тех новгородцев, которые соглашались дать присягу королю и уехать в города, которые Москва уступала Швеции.
- ⁵¹ См.: *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. С. 84; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁵² См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 435. Полную публикацию Столбовского договора из 33 статей (см.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 430–450; ПСЗ. Т. 1. № 19; *Лыжин Н. П.* Указ. соч. Прилож. № 11. С. 142–173.
- ⁵³ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 437–438.
- ⁵⁴ Среди этих дворян — Аминевы, Чеботаевы, Опалевы, Калитины, Пересветовы, Рубцовы, Хомутовы, Клементьевы, Бутурлины. См.: *Пересветов-Мурат Л. Н.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов-Мурат и другие русские байог'ы // НИС. 1999. № 7 (17). С. 366–376.
- ⁵⁵ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 438. В этой статье уже заложен конфликт из-за пушек и колоколов, которые шведы начнут экстренно вывозить с 20 ноября 1616 г. и до середины марта 1617 г., когда в возвращаемые крепости придут русские послы. Мезецкий с товарищами в мае 1617 г. будут требовать от шведов возвращения ряда захваченных пушек и колоколов из Ладоги и Порхова. См.: *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. С. 41–44.
- ⁵⁶ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 439. С. М. Соловьев ошибочно отмечал, что на северном участке послы должны встретиться на месяц позже, 1 июля 1617 г. См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁷ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 481–482: «Продолжительные и трудно протекавшие переговоры закончились только к 30 марта 1618 г.». См. также: *Лыжин Н. П.* Указ. соч. С. 77; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 151: «Посланы 15 июня в первое место к устью реки Лавуи послы... 23 октября начали они межевать, а 1618 г. 29 марта на рубеже... кончив, подписали и разменялись межевыми записями, и (послы) российские 1 мая в Москву приехали». И. П. Шаскольский пишет, что «на южном берегу Ладожского озера вопрос об установлении новой границы был разрешен довольно быстро, в течение нескольких месяцев». См.: *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 117.
- ⁵⁸ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 480–492; *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 117–119; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 151–152.
- ⁵⁹ *Шаскольский И. П.* Как оказался в Стокгольме Новгородский архив начала XVII в.? // Сов. архивы. 1968. № 3. С. 115–117; *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции IX–XX вв. СПб., 1999. С. 55–56, 191–193. В одной из устных бесед Г. М. Коваленко высказал предположение, что Делагарди при этом действовал по просьбе самих новгородцев. Он хотел сохранить в тайне от русских правителей действия местных жителей, связанные с сотрудничеством с оккупантами, тем самым спасая их и их потомков от возможных в будущем репрессий со стороны русского правительства.
- ⁶⁰ См.: *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «Бунташного века»: Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 51.
- ⁶¹ См.: Новгородские летописи. С. 445; *Орехов Д.* Святые иконы России. СПб., 2000. С. 44. Однако Д. Орехов забыл упомянуть, что послы после подписания мира взяли икону с собой в Новгород.
- ⁶² См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 93–94. Автор пишет, что «14 марта великие послы, Мезецкий и Зюзин, вошли в Новгород с чудотворной иконой Богородицы, взятой из Хутыня монастыря».
- ⁶³ Подробный текст двух грамот Михаила Федоровича к новгородцам привел С. М. Соловьев.

Первую грамоту прислали великие послы 5 марта, а вторую Мезецкий зачитал новгородцам по прибытию в Новгород. См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 92–94. Первая грамота была опубликована в Собрании государственных грамот и договоров (далее — СГГД). СПб., 1822. Т. III. № 34, а вторая — в «Актах исторических». СПб., 1841. Т. III. № 284.

⁶⁴ В 1614–1615 гг. новгородцы отказались присягать Густаву Адольфу под предлогом невозможности нарушить присяги Карлу Филиппу.

⁶⁵ См.: Новгородские летописи. С. 445–446. В Сказании сообщается, что с иконой к Новгороду вначале отправились не сами Великие послы во главе с Д. И. Мезецким, а их представители, «избранные мужи для принятия города». Именно их, по мнению автора Сказания, а не Мезецкого встречал Исидор с новгородцами. Икону торжественно внесли в Софийский Собор. Далее в Сказании говорится, что эти «избранные мужи... Великий Новгород от зловерных *приняли*. *После этого* и послы в город пришли». Исидор постановил праздновать праздник пришествия иконы Богоматери в пятую неделю Великого поста в соборной церкви святой Софии.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 139.

⁶⁷ СГГД. СПб., 1822. Т. III. № 35.

⁶⁸ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 101.

⁶⁹ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 140–148. Летом 1617 г. в районе Дорогобужа будут происходить тяжелые бои с переменным успехом, осенью того же года королевич Владислав захватит Дорогобуж и Вязьму; в районе Калуги Дмитрий Пожарский с трудом будет сдерживать лисовчиков Чаплинского и Опалинского, а летом 1618 г. русская армия в Можайске едва вырвется из окружения, и, наконец, осенью 1618 г. поляки вместе с запорожцами Сагайдачного будут с двух сторон штурмовать Москву (даже ворвутся в Белый город).